

УДК 811.161.1(091) DOI 10.25986/IRI.2025.100.2.007

К. П. Костомарова

ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия. kostomaa@gmail.com

ВИДЫ ПРЯМОЙ РЕЧИ В КИЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Статья посвящена особенностям употребления прямой речи в Киевском летописном своде. В работе предложена классификация, показывающая, что светская прямая речь, церковная прямая речь и остальной летописный нарратив в Киевском летописном своде составляют три самостоятельные системы, а индивидуальные особенности, характерные именно для прямой речи Киевской летописи, оказываются в первую очередь связаны не с грамматикой или количественными показателями ее употребления, а с тем, в каких ситуациях прямая речь появляется в летописном тексте и каким набором реплик оперирует летописец.

Ключевые слова: прямая речь, Киевская летопись, Лаврентьевская летопись, Ипатьевская летопись

Автор выражает глубокую признательность А. Ф. Литвиной за многократные консультации и обсуждения.

Прямая речь действующих лиц встречается в Повести временных лет, Лаврентьевской летописи и Киевском летописном своде с самых первых годовых статей. Являясь одновременно и способом воспроизведения чужого высказывания, и особым типом текста, усложняющим структуру нарратива, она могла бы стать важным критерием развития древнерусского летописания¹. Однако о прямой речи редко говорится как о самостоятельном типе повествования, присутствующем в древнерусских хрониках наравне с нарративными фрагментами от третьего лица и репликами летописца. Единственный летописный памятник, применительно к которому о ее роли упоминается регулярно (обычно в грамматическом аспекте), – это Киевский летописный свод, включенный в состав Ипатьевского списка первой четверти XV в. и описывающий события 6626 – 6708 (1118 – 1200) гг. (далее – КЛ) (см., например: [Гимон 2018; Гимон, Тишин; Лавренченко 2018; Лавренченко 2022]).

Историко-филологическая, текстологическая и лингвистическая традиции изучения КЛ – огромны. Вопросы о времени составления КЛ, ее источниках, компилятивной структуре, соотношении с предыдущей и последующей традицией подробно рассмотрены в работах [Шахматов 1938; Лихачев 1946; Лихачев 1947; Еремин; Насонов; Рыбаков; Франчук; Приселков; Толочко;

¹ См. замечание В. М. Живова: «В поздних слоях летописи прямая речь персонажей встречается существенно реже, чем в слоях более ранних. Это, видимо, не случайно, но обусловлено изменением нарративных моделей в позднем летописании. Этот любопытный аспект динамики летописного жанра остается неизученным. Тем более неясно, как подобные изменения влияли на лингвистический облик летописных памятников» [Живов, с. 242].

Вилкул 2003; Вилкул 2010; Вилкул 2019; Аристов]. Обзор основных теорий о соотношении текстологических пластов в Киевском своде см. в [Гимон 2022, с. 147–152].

Лингвистические особенности и отдельные языковые черты КЛ описаны и прокомментированы [Зализняк 2008; Петрухин 2003; Петрухин 2008; Гиппиус; Шевелева 2009; Шевелева 2020; Власова; Юрьева 2009; Киевская летопись; Юрьева 2018; Скачедубова]. Характерная особенность КЛ, регулярно привлекающая внимание исследователей, – большое количество княжеских диалогов, посланий и других «вставных фрагментов», анализу и описанию которых посвящены работы [Дашкевич; Юрасовский 1982; Юрасовский 1983; Гимон 2018; Лавренченко 2018; Лавренченко 2021]. Наименее разработанными остаются темы, связанные с особенностями КЛ, относящимися одновременно и к языковому, и к структурно-содержательному плану. Одной из таких особенностей – употреблению прямой речи – посвящена данная работа. Далее в статье мне хотелось бы оставить в стороне проблемы истории текста и рассмотреть летописную прямую речь и «речи» как независимый материал, который, в свою очередь, может дать дополнительные данные для текстологии. Меня будет интересовать именно тот текст, который мы видим в Ипатьевской летописи под годовыми статьями 1118–1200 гг., и именно с точки зрения употребления в нем прямой речи.

Прямая речь в Киевском своде (далее – КЛ) кажется непохожей на прямую речь других древнерусских летописей уже на интуитивно-читательском уровне. Она «заметна», регулярно встречается в тексте и часто содержит новую и важную для дальнейшего развития сюжета информацию². При этом ответ на вопрос, в какой области следует искать особенности, отличающие прямую речь КЛ от прямой речи других летописных памятников, остается не вполне ясным.

Терминологически прямая речь часто определяется как один из способов воспроизведения чужого высказывания. Она передает речь от первого лица с сохранением дискурсивных элементов, маркирующих точку зрения говорящего³. Однако с появлением теории речевых актов (см.: [Остин; Вежбицкая]) чужая речь⁴ все чаще начинает рассматриваться не только как формальный способ передачи высказывания, но и с точки зрения позиции повествователя, способов цитирования и передачи чужой установки (см.: [Успенский; Арутюнова 1992]).

В такой перспективе летописное повествование, охватывающее широкий круг исторических событий с участием князей, церковных лиц, простых людей, союзников и соперников, создает пространство для включения в текст разных типов цитирования – прямой, несобственно-прямой⁵ и косвенной речи⁶ [Власова, с. 18]. Из всех типов цитирования в этой работе нас

² Из прямой речи читатель узнаёт, например, о договоре Изяслава Мстиславича с Вячеславом Владимировичем, определяющем иерархические отношения, сформировавшиеся между дядей Вячеславом Владимировичем и его племянниками Изяславом и Ростиславом Мстиславичами, для которых дядя приобретает статус, подобный отцовскому: «А чо ми Богъ отъца моего отялъ, а ты ми еси отецъ. Ты мои еси отецъ, а ты – мои и сынъ – у тебе отца, у мене сына нѣтуть, а ты же – мои сынъ, ты же – мои братъ», и на томъ хрестъ чѣстныи целоваста» [ПСРЛ, т. 2, стб. 417–418]. Здесь и далее при цитировании тексты приводятся в упрощенной орфографии и с современной пунктуацией, сокращения раскрываются.

³ Высказывание передается как не принадлежащее автору, сохраняя все особенности интонации, лексики, грамматики и стиля оригинального дискурса [Подлеская, с. 294].

⁴ О чужой речи – цитировании, передающем высказывание, мысль или чужую установку, – см. подробнее, например: [Падучева 1996, с. 354–361]; в КЛ – см.: [Власова].

⁵ Несобственно-прямая речь – высказывание от третьего лица с синтаксически маркированными субъективно-модальными элементами [Падучева 1996, с. 348].

⁶ Косвенная речь – высказывание, являющееся частью изъяснительной конструкции, передающей чужую установку [Шевелева 2009, с. 150]. Несмотря на то, что в работе мы не рассматриваем косвенную и несобственно-прямую речь, в КЛ встречаются случаи «гибридного» цитирования, в которых одновременно сочетаются несколько режимов интерпретации. Например, слова Андрея Ярославича Суздальского в статье 1174 г., в которых никак не маркирован переход от повествования от третьего лица к повествованию в первом лице: «и посла с ними сына своего Юрья и Бориса Жидиславича воеводою, казавъ имъ Рюрика и Давыда, веля имъ изыгнати изъ очины своей, а Мъстислава емше не створите ему ничто же, приведете и ко мнѣ» (КЛ 1174) [ПСРЛ, т. 2, стб. 573–574]. Подобные случаи сложной коммуникативной организации чужой речи также рассматриваются нами в работе и могут приводиться в качестве примеров, но не учитываются в точных подсчетах.

будет интересовать именно прямая речь⁷. Согласно подсчетам Е. А. Власовой, прямая речь составляет 86 % всей чужой речи КЛ и является преобладающей формой цитирования в летописях XII–XIV вв. [Власова, с. 54].

Можно предположить, что индивидуальная особенность прямой речи в КЛ – высокая частота ее употребления, однако это не вполне так. Кажется, что большое количество реплик прямой речи в КЛ объясняется в первую очередь тем, что, по сравнению с Повестью временных лет (далее – ПВЛ) или Лаврентьевской летописью, во фрагменте, описывающем события того же периода, что и КЛ (6626–6708 (1118–1200) гг.) (далее – Лавр.), КЛ является самым большим памятником⁸.

Однако если посмотреть не на количество реплик прямой речи, а на процентное соотношение их объема относительно всего объема летописного текста, окажется, что вопреки интуитивному ожиданию в КЛ реплики прямой речи занимают ~ 25 %⁹ от общего объема текста, в то время как в ПВЛ эта доля оказывается около 35 %¹⁰. КЛ также уступает ПВЛ по количеству реплик, приходящихся на один лист рукописи. В КЛ на лист в среднем приходится 4 реплики прямой речи, а в ПВЛ – 5¹¹. Единственный параметр, по которому КЛ объективно превосходит ПВЛ и Лавр., – регулярность употребления прямой речи в летописных статьях. В КЛ она присутствует в 55 статьях из 81¹² (в 68 % от всех годовых статей), в ПВЛ – в 59 статьях из 144¹³ (в 41 %), в Лавр. – в 32 из 82 статей (в 39 %).

Можно было бы предположить, что индивидуальной особенностью прямой речи КЛ является ее грамматическое устройство – считается, что именно в КЛ прямая речь достаточно точно отражает особенности некнижного бытового языка, близкого к языку берестяных грамот (распределение форм прошедших времен, правила употребления энклитик) (см.: [Зализняк 2008, с. 84])¹⁴. Однако стоит отметить, что эти характерные для прямой речи КЛ некнижные особенности встречаются также и в поздней части ПВЛ¹⁵ (см.: [Шевелева 2009, с. 154–165]).

⁷ Только прямая речь передает высказывание от первого лица с сохранением дейктических показателей, характерных для позиции говорящего. Дейктические показатели прямой речи, оказываясь перенесенными в основной нарратив, либо меняются, либо не употребляются вовсе [Падучева 2008, с. 412]. К таким дейктическим элементам, ориентированным на говорящего, относятся, в частности, и видовременные формы, различия в употреблении которых внутри и за пределами речевого режима являются одной из самых характерных черт, противопоставляющих прямую речь и нарратив в летописи.

⁸ Здесь и далее цитаты и подсчеты, касающиеся КЛ, приводятся по Ипатьевскому списку.

⁹ Общий объем текста КЛ ~ 78 925 слов, объем прямой речи в КЛ ~ 20 000 слов. Общий объем текста ПВЛ ~ 26 403 слова, объем прямой речи в ПВЛ ~ 9500 слов.

¹⁰ В Лавр. прямая речь занимает примерно 9 % от общего объема текста. Общий объем текста Лавр. ~ 45 931 слово, объем прямой речи в Лавр. ~ 4500 слов.

¹¹ На 139 страниц КЛ приходится порядка 567 реплик прямой речи, на 96 страниц ПВЛ – порядка 486 реплик. В Лавр. на один лист приходится 3,2 реплики (примерно 148 реплик на 45 листов), что немного уступает и КЛ, и ПВЛ. Несколько реплик, составляющие один, не прерывающийся нарративным фрагментом диалог, при подсчетах учитывались как одна.

¹² КЛ описывает события, происходящие на протяжении 82 лет, однако статья 1179 г. пропущена в КЛ из-за хронологического сдвига, и фактических летописных статей оказывается 81.

¹³ В ПВЛ входит 248 летописных статей, из которых 104 – состоят только из даты и исключаются из наших подсчетов. Статьи с минимальным текстовым наполнением, например, статья 973 г.: «В лѣто ꙗ҃сѣ . ѿ . пѣ . Нача княжити Ярополкъ» [ПСРЛ, т. 1, стб. 74], или статья 1029 г.: «В лѣто ꙗ҃сѣ . ф . лз . Мирно бысть» [ПСРЛ, т. 1, стб. 149], входят в рассматриваемые при подсчетах 144 статьи.

¹⁴ Особенности употребления времен в прямой речи подчеркивал уже Д. Н. Кудрявский [Кудрявский], затем – П. С. Кузнецов, Э. С. Истрина [Кузнецов; Истрина], а Э. Бенвенист писал о том, что в нарративных и не нарративных текстах может использоваться разный набор временных форм, выбор которых бывает обусловлен типом коммуникативной ситуации [Бенвенист, с. 277–280].

¹⁵ В лингвистических работах, посвященных летописным памятникам, преобладает традиция исследовать и цитировать текст ПВЛ по Лаврентьевскому, а не Ипатьевскому списку, первый из них принято считать более древним и отразившим более раннюю редакцию. Принципиальных различий с точки зрения употребления прямой речи в ПВЛ по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам не обнаруживается, поэтому в этой работе данные и цитаты из ПВЛ приводятся по Лаврентьевскому списку, если другое не оговорено отдельно.

Отраженные в прямой речи КЛ черты некнижного языка нередко рассматриваются как аргумент в пользу ее устного происхождения¹⁶, что, в свою очередь, неизбежно вызывает целый ряд вопросов. Что такое «устность» прямой речи – точная передача летописцем того, что было произнесено в действительности, изложение этого «своими словами» или конструирование новых, искусственных реплик при помощи характерных «устных» языковых средств? Почему отличающийся от основного нарратива язык прямой речи может отличаться от него, только автоматически понижаясь до уровня бытового и разговорного языка, а не оказываясь эквивалентным, например, языку делового документа? В какой момент особенностью летописной прямой речи становится воссоздание или отражение тех некнижных особенностей языка, которые отличают ее от остального повествования? Первым шагом при ответе на эти вопросы должно стать более подробное и последовательное описание типов летописной прямой речи, чему посвящена эта работа.

1. Летописная прямая речь: светская и церковная

Несмотря на то, что прямая речь обычно противопоставлена остальному нарративу и прагматически, и с точки зрения режима интерпретации эгоцентрических единиц¹⁷, говорить о полном противопоставлении прямой речи и нарратива было бы не вполне точно уже потому, что прямая речь неоднородна сама по себе. Внутри нее во всех древнерусских летописях можно выделить две принципиально разные группы реплик – светскую речь и речь церковную.

Церковная прямая речь стремится соответствовать церковнославянской норме и обычно оказывается более книжной, чем остальной летописный нарратив, а язык светской прямой речи, напротив, может быть отнесен к той части гибридного регистра, в которой стандарты книжного языка выдерживаются летописцем наименее последовательно¹⁸. Распределение временных форм, употребление которых не совпадает в светской и церковной прямой речи КЛ, можно упрощенно описать так: основным прошедшим временем светской прямой речи КЛ является перфект, основным прошедшим временем остального нарратива и церковной прямой речи является аорист. Употребление перфекта в светской прямой речи КЛ нейтрально¹⁹, а употребление любого другого прошедшего времени – маркированно, причем иногда маркировать глагол в тексте может только определенная временная форма, а иногда выбор формы оказывается непринципиален – важна сама противоположность перфекту.

В отличие от церковной прямой речи, в светской прямой речи КЛ регулярно встречаются грамматические формы и конструкции, характерные для некнижного языкового регистра (перфект 1-го и 2-го лица без связки, сверхсложное прошедшее, формы глагола *быти* с основной

¹⁶ См. рассуждения об этом: [Лихачев 1986; Franklin; Франчук, с. 109–112; Пашуто, с. 169–177; Живов; Зализняк 2004; Зализняк 2008; Гиппиус, с. 288–290; Вилкул 2010; Гимон 2018; Лавренченко 2016; Лавренченко 2021, с. 8–10].

¹⁷ Эгоцентрические единицы языка – слова, грамматические категории и синтаксические конструкции, семантика которых подразумевает одного из участников ситуации в качестве говорящего [Падучева 2018, с. 17]. Термин «режим интерпретации эгоцентрических единиц» (контекст, необходимый для понимания значения эгоцентрических элементов языка) следует понимать как режим не только восприятия, но и употребления эгоцентрических единиц [Падучева 2018, с. 37].

¹⁸ В. М. Живов писал о том, что «при создании летописей с неизбежностью возникали нестандартные коммуникативные задачи, обуславливавшие ... интерференцию книжных и некнижных языковых средств» [Живов, с. 64]; «Летопись писалась на книжном языке с начала и до конца, и это соответствовало тому распределению сфер функционирования книжного и некнижного языков, о котором говорилось выше: летопись была обращена к социуму в целом и ставила целью его назидание. Однако равномерно выдерживать стандарты книжного языка летописец не мог. ... Отступления (от стандартного книжно-некнижного распределения. – К. К.) появляются, видимо в силу того, что книжное расположение не всегда соответствует представлениям автора о относительной важности упоминаемых предметов и персонажей и привычные способы ранжирования информации берут верх над навыками риторического размещения языковых элементов» [Живов, с. 65–66].

¹⁹ См. об этом: [Хабургаев, с. 46; Горшкова, Хабургаев, с. 329–330; Зализняк 2004, с. 173–174].

буд-, модальные конструкции с глаголами *начати*, *хотѣти*, *имѣти* и конструкции «будущего сложного II», расположение энклитик в соответствии с законом Вакернагеля).

В церковной прямой речи, напротив, встречается практически отсутствующий в репликах светской прямой речи дательный самостоятельный, а старославянский и древнерусский рефлекс сочетания **tj* в суффиксах действительных причастий настоящего времени распределяются в КЛ по типам прямой речи в соответствии с регистром. А. А. Зализняк, говоря (на материале КЛ) о необходимости разделения летописной прямой речи на две группы по принципу ее внутреннего синтаксического и грамматического строя, называет соответствующие типы *речью светских лиц* и *речью церковных лиц* (делая, впрочем, дополнительные оговорки о церковных речах князей и речах летописца, которые также необходимо рассматривать вместе с речами церковных лиц) [Зализняк 2008, с. 23]. Мы предлагаем называть две такого рода группы *светской* и *церковной* *прямой речью*, поскольку подобное распределение внутри прямой речи не всегда оказывается связано со статусом говорящего. Кажется, что бо́льшая или меньшая последовательность сохранения книжных черт в прямой речи обычно зависит от предмета разговора.

Например, митрополит, речи которого чаще всего звучат во время молитв, отпеваний, благословений и в других церковных контекстах, может давать князьям и практические советы: «Молвѣшь бо и митрополитъ Святославу и Рюрикови: “Се иноплемьници отѣли отчину вашу, а ѿпо вы бы потрудитися”» (КЛ 1189) [ПСРА, т. 2, стб. 663]. Такую реплику правильнее охарактеризовать как светскую. С другой стороны, в летописных упоминаниях о княжеских молитвах и покаяниях прямая речь князей часто может приобретать дополнительные книжные черты и оказываться ближе к церковной: «Князь же ... въздѣвъ руцѣ на небо, помолися Богу, глаголя: “Аще Господи и в семь осужение и конѣць приимаю, аще и много согрѣшихъ, Господи, заповѣди твоя не схранивъ”» (КЛ 1175) [ПСРА, т. 2, стб. 588].

Более того, даже реплики одного и того же действующего лица в разные моменты повествования могут быть отнесены как к светской, так и к церковной прямой речи²⁰:

«Андрѣи же ... посла к Новгородцѣмъ, река имъ: “Вѣдомо буди: хощю искати Новагорода и добромъ, и лихомъ, а хрестъ есте были цѣловали ко мнѣ на томъ, яко имѣти мене княземъ собѣ”» (КЛ 1160) [ПСРА, т. 2, стб. 509];

«О, горе вамъ, нечестивии, что уподобистесь Горѣсѣру, что вы зло учинихъ, аще кровь мою прольете на землѣ» (КЛ 1175) [ПСРА, т. 2, стб. 587].

Подобные примеры только усиливают впечатление, что решающую роль при выборе языкового регистра в каждой конкретной реплике прямой речи в КЛ играет именно ситуативный контекст. «Что говорится» в такой перспективе оказывается важнее, чем «кто говорит».

²⁰ Так, в летописной статье 1175 г., сообщающей об убийстве Андрея Боголюбского, слова Андрея перед смертью и его молитва заметно отличаются от реплик, произносимых им же в предыдущих летописных статьях. При этом было бы неправильным говорить об исключительной книжности всех слов, произносимых Андреем в статье 1175 г. Описывая приход убийц к Андрею, летописец включает в рассказ и короткий бытовой диалог с участием князя, в котором отсутствуют какие-либо книжные черты: «И рече одинъ стоя у двѣри: “Господине, господине”, и князь рече: “Кто естъ”, и онъ же рече: “Прокопѣя”, и рече князь: “О паробче, не Прокопѣя”» [ПСРА, т. 2, стб. 586]. Сразу же после диалога у дверей летописец продолжает: «Они же прискочивше къ двѣремъ ... и силою выломиша двѣри. Блаженни же вскочи, хотѣ взяти мечъ, и не бѣ ту меча» [ПСРА, т. 2, стб. 586]. Мы видим, что Андрей начинает характеризоваться и восприниматься как блаженный еще до собственной мученической смерти. Несмотря на то, что Андрей Боголюбский канонизирован в лике благоверных, а не страстотерпцев, в сознании летописца его смерть воспринимается именно как мученическая, о чем он сам пишет в панегирике князю в той же летописной статье: «В память убьенья твоего, страстотерпче княже Андрѣю, удивишася небеснии вои, видяще кровь, проливаемую за Христа» [ПСРА, т. 2, стб. 585]. Однако, в отличие от агнографической модели, в которой все слова и действия главного героя заведомо окружены ореолом святости, в летописном тексте книжные и не книжные реплики Андрея сосуществуют в непосредственной близости и не противоречат восприятию его как святого. Стоит также учитывать, что этот летописный фрагмент считается некоторыми исследователями текстологии КЛ инкорпорацией из северо-восточного источника.

2. Светская прямая речь: монолог и диалог

В качестве основных структурных типов светской прямой речи можно выделить монологическую и диалогическую прямую речь. Количество диалогов в летописном тексте всегда уступает монологам, а их появление обычно свидетельствует об усложнении летописного повествования²¹. Среди ПВЛ, КЛ и Лавр. наибольшее количество диалогов встречается именно в КЛ, где они составляют около 18 % от всех реплик прямой речи²². В ПВЛ диалоги занимают приблизительно 9 %²³, в Лавр. диалоги встречаются еще реже и составляют около 6 %²⁴:

«Узрѣ и Олегъ и рече: “Кто се есть”, и рѣша ему: “Свѣналдичь”» (ПВЛ 975) [ПСРЛ, т. 1, стб. 74];

«И ѣха Святославъ къ Игореву, и рече: “Что ти дасть братъ старишей?”, и рече Игорь: “Дасть ны по городу Берестии и Дорогычинъ, Черторыескъ и Кльчъскъ, а отчинъ своеѣ не дасть Вятичъ”» (КЛ 1142) [ПСРЛ, т. 2, стб. 310];

«Володимерци же, не терпяче глада, рѣша Михалку: “Мирися, а любо княже промыслии о собѣ”. Он же, отвѣщавъ, рече: “Прави есте, ци хотите мене дѣля погынуги”» (Лавр. 1175) [ПСРЛ, т. 2, стб. 373].

Роль диалога в КЛ оказывается значимее, чем в ПВЛ и Лавр. Ни в одной другой древнерусской хронике при описании княжеских взаимодействий летописец не приводит такого количества «речей». Это может отчасти объясняться тем, что именно диалог нередко выбирается летописцем в КЛ как способ сообщения о событиях и фактах, важных для хода летописного сюжета²⁵. Похожую функцию вместе с диалогами в КЛ могут выполнять одиночные реплики «послания», о которых речь пойдет ниже.

3. Типы монологических высказываний

С точки зрения объема реплик, в монологической светской прямой речи КЛ отчетливо выделяются короткие фразы и крупные «послания», в разной степени обладающие устойчивым формуляром. Короткие реплики, не являющиеся частью диалога²⁶, встречаются в светской прямой речи КЛ значительно реже, чем в Лавр. и ПВЛ. В КЛ они составляют примерно 19 %²⁷ от всей прямой речи²⁸, в ПВЛ – 40 %²⁹, а в Лавр. – 50 %³⁰:

«Рече Володимеръ: “Требите путь и мостите мость”» (ПВЛ 1014) [ПСРЛ, т. 1, стб. 130];

«Присла Володимерко къ Андрѣви Василка Ярополчича, река: “Поиди, брате, ко мнѣ”» (Лавр. 1150) [ПСРЛ, т. 1, стб. 329–330];

«Слышавше же се врази Половци смѣрть Володимерю и присунушася къ Баручю, рекше: “Возмемъ Торкы ихъ”» (КЛ 1126) [ПСРЛ, т. 1, стб. 289];

«Новгородци, сдумавше, рекоша Всеволоду: “Не хотимъ сына твоего, ни брате, ни племени Володимеря”» (КЛ 1140) [ПСРЛ, т. 1, стб. 307].

²¹ За исключением диалогов, состоящих из обмена отрывочными репликами.

²² ~ 103 из 567 реплик.

²³ ~ 44 из 486 реплик.

²⁴ ~ 9 из 148 реплик.

²⁵ Ср. КЛ и Лавр.: «Слышавше же се врази половци смѣрть Володимерю и присунушася къ баручю, рекше: “Возмемъ торкы ихъ”. Бѣ же вѣсть Ярополку...» [ПСРЛ, т. 2, стб. 289]; «Услышавше половци, яко умерлъ естъ Володимеръ князь, присунушася вборзѣхъ и наворопиша изгономъ къ барочю... хотящю полонити торкы проклятыя... Ярополку бо вѣсть» [ПСРЛ, т. 1, стб. 295].

²⁶ Короткие реплики представляют собой одну или несколько тесно связанных синтагм, и обычно их объем не превышает простого предложения.

²⁷ ~ 109 из 567 реплик.

²⁸ Интересно, что короткие реплики – основной и практически единственный тип прямой речи, произносимой в КЛ от лица половцев: «Возмемъ Торкы ихъ» (1126) [ПСРЛ, т. 2, стб. 289]; «Придемъ к тобѣ заутра вси» (1155) [ПСРЛ, т. 2, стб. 481]; «Поиду с тобою в Русь» (1185) [ПСРЛ, т. 2, стб. 650].

²⁹ ~ 72 из 148 реплик.

³⁰ ~ 197 из 486 реплик.

Объемные реплики «послания» обычно имеют довольно размытые формальные признаки и плохо поддаются дальнейшей классификации. К ним кажется возможным отнести и тексты с отчетливо прослеживающимися формулами:

«Изяславъ же ... рече имъ: “Вы есте крестъ цѣловали до живота своего, а волости Святослави и Игоревѣ далъ ва есмь. Язъ же с вама и Святослава прогналъ, а волость ва есмь изискалъ и далъ Новѣгородъ и Путивль, а жизнь есмы его взяли, а имѣнье его раздѣлилъ на части, а Игореву я взялъ. Се же, братъ, хрестъ еста переступила, а сѣмо мя повела лестью, убити мя хотяче. Да буди со мною Богъ и сила животворящаго хреста, а како ми Богъ дастъ”. И то рекъ, поверже имъ грамоты хрестыныя» (КЛ 1147) [ПСРЛ, т. 2, стб. 323],

и обращения, структура которых кажется более индивидуальной и произвольной:

«Послалъ Изяславъ к Ростиславу, брату своему, и рече ему: “Брате, являю ти на Олговичѣ есми ходилъ, к Чернигову ходилъ и на Олговѣ есми стоялъ, и много есмь имъ зла учинилъ – землю ихъ повоевалъ есмь, и ту ко мнѣ не възмогаша выти битися полкомъ. И оттуду идохомъ к Любчю, и ту к намъ приѣхаша и разиде ны с ними рѣка, и нѣльзѣ бы ны ся с ними тою рѣкою битися полкомъ. И на ту ночь бысть дождь великъ, и бѣ на Днѣпрѣ бысть (дождь великъ) бѣ ледъ лихъ, и того дѣля поидохомъ на ону сторону, и тако Богъ и святая Богородица и сила животворящаго (хреста) приведе ны въ здоровьи в Киевъ. И тебе, брате, прашаю, въздоровъ ли еси и што ти тамо Богъ помогаетъ”» (КЛ 1148) [ПСРЛ, т. 2, стб. 362–363].

Вне зависимости от критериев, применяемых для выделения реплик-«посланий», стоит отметить, что прямая речь крупного объема – как формульная, так и более вольная – начинает активно встречаться в летописных статьях КЛ с середины 1140-х гг.³¹

Это особенно интересно в свете того, что распределение количества прямой речи в КЛ по годовым статьям показывает неожиданно резкий рост употребления прямой речи, который приходится именно на летописные статьи 1140–1150-х гг.

Рис. 1. Распределение количества реплик в КЛ по годам³².

³¹ С. Франклин отмечал, что появление крестных грамот на страницах КЛ синхронно другим важным точкам в развитии документа на Руси. Примерно в эти же 1140-е гг. в КЛ появляются обширные княжеские «речи», а в 1130–1140-е гг. в Новгороде и Смоленске создается ряд уставов и грамот, которыми князья гарантируют права епископских кафедр и монастырей [Franklin, p. 27–32], см. также: [Guimon].

³² Разрыв между 1178 и 1180 гг. объясняется пропуском статьи 1179 г. Как пишет Н. Бережков: «в летописи нет сообщений о событиях 6686 (1178/9) мартовского года. Статья под 6686 г. содержит рассказ (южнорусский по происхождению) о новгородских событиях второй половины 6687 (1179/80) и первых месяцев 6688 (1180/1) мартовских годов. ... Статья под 6688 г. дает рассказ о событиях двух смежных годов – 6688 (1180/1) и 6689 (1181/2)» [Бережков, с. 195]. См. также подобный график, специально отражающий частоту «посланий» в [Guimon, p. 349].

Кажется логичным предположить, что ответ на вопрос, почему прямая речь КЛ настолько отличается от остальной летописной прямой речи, должен хотя бы отчасти быть связан с ответом на вопрос о феномене длинных и сложных летописных статей этого десятилетия³³. Именно в этот период количество прямой речи резко возрастает, а соотношение разных типов реплик, встречающихся в этот период, сильнее всего отличается от соотношения типов реплик в других фрагментах КЛ и в прямой речи других летописей.

К основным типам реплик летописной светской прямой речи – короткие и длинные реплики, «послания» и остальные «промежуточные» – в летописных статьях 1140-х гг. добавляется новый тип. Этот особый, характерный именно для КЛ тип реплик, резкий взлет и пик употребимости которого приходится на 1140–1150-е гг., можно условно назвать «реплики-рассуждения». Их главная особенность – четкая логическая структура³⁴:

«Изяславъ же събравъся на поли и хрестьяныя, и поганяя, и рече имъ: “Брате, Всеволода есми имѣлъ въ правду брата старишаго, занеже ми братъ и зять, старѣи мене, яко отецъ, а съ сими како ми Богъ дастъ и сила животворящаго креста – да любо си голову положи передъ вами, любо си налѣзу столь дѣда своего и отца своего”» (КЛ 1146) [ПСРА, т. 2, стб. 323];

«Рече единъ человекъ: “По князи своемъ ради идемъ, но первое о семъ промыслимы, акоже и прежи створиша, при Изяславѣ Ярославичѣ, выскѣше Всеслава ис поруба злии они и поставиша князя собѣ, и много зла бысть про то граду нашему. А се Игорьъ, ворогъ нашего князя и нашъ, не в порубѣ, но въ святомъ Федорѣ, а убивше того к Чернигову, поидемъ по своемъ князи”» (КЛ 1147) [ПСРА, т. 2, стб. 349].

После 1150-х гг. реплики-рассуждения продолжают встречаться в КЛ достаточно регулярно:

«Братя же рекоша ему (Мстиславу – К. К.): “Се вои от насъ рощлися, а симъ помочи большіѣ приходятъ. А черныи клобукъ нами лестить, а не можемъ стати противу имъ, а поѣдмы въ свою волость”» (КЛ 1172) [ПСРА, т. 2, стб. 549];

«И почаша молѣвити (Яким, слуга Андрея – К. К.): “Мы есмы волная, князя прияли к собѣ, крестъ цѣловали на всемъ, а си, акы не свою волость творита, яко не творячеся у насъ сѣдѣти, грабита не токмо волость всю, но и церкви”» (КЛ 1176) [ПСРА, т. 2, стб. 599];

«И помысли во умѣ своемъ (Святослав – К. К.), яко “Давида иму, а Рюрика выжену изъ землѣ и прииму единъ власть Рускую, и с братьею. И тогда мыщюся Всеволоду обиды своѣ”» (КЛ 1180) [ПСРА, т. 2, стб. 615].

Подобные, построенные по принципу логического развертывания, реплики часто содержат объяснение и обоснование дальнейшего, не всегда очевидного, поведения действующих лиц, поэтому такие реплики можно условно называть прямой речью «логических последствий». Хотя выделение такого дополнительного типа может показаться необязательным, оно важно уже потому, что синтаксис прямой речи «логических последствий» с условными, целевыми, уступительными союзами и сложной логикой пропозиций³⁵ совсем не похож на структурную

³³ См. рассуждения в [Конявская, с. 72–74].

³⁴ Подобные «реплики-рассуждения» встречаются и в других летописях, но употребляются в них значительно реже и не так регулярно. См., например: «Рѣка сице: “Аще не створимъ мира со цѣсаремъ, а увѣсть цѣсарь, яко мало насъ есть, пришедше, оступятъ ны въ градъ, а Руска земля далеча, а Печенѣзи с нами ратьни, а кто ны поможетъ? Но створимъ миръ со цѣсаремъ. Се бо ны ся по дань яли, и то буди довольно намъ. Аще ли почнетъ не управляти дани, да изнова из Руси совкупивше вои умножавши, поидемъ Цѣсарюгороду”» (ПВЛ 971) [ПСРА, т. 1, стб. 71–72]; «Приде Изяславъ, слышавъ пришедшаго Гюргя, и рече: “Оже бы пришелъ самъ толико з дѣтми, то которая бы ему волость люба, ту же бы взялъ. Но же на мя привель Половци и ворогы моѣ Олговичѣ, то хочу ся бити”» (Лавр. 1149) [ПСРА, т. 1, стб. 321].

Мы используем термин «пропозиция» широко – как термин, относящийся к области значения предложения. О таком понимании пропозиции см.: [Арутюнова 1976, с. 21–38].

организацию остальных типов светской прямой речи, подчиняющихся скорее ситуационному синтаксису.

Интересно, например, что союз и оптативная частица *ать* (*ати*)³⁶, для которой прямая речь считается основным контекстом летописного употребления (см.: [Птенцова, с. 34]) и которая встречается в КЛ значительно чаще, чем в Лавр. и ПВЛ, обычно появляется в прямой речи именно в репликах «логических последствий», ср.:

	КЛ	СЛ	ПВЛ (Ипат.) ³⁷
ать	48 ³⁸ (47 в прямой речи)	0	6 (в прямой речи)
ати	0	2 (в прямой речи)	1
оть	0	1	0
оти	0	0	0

Ати и *оти* регулярно оказываются на границе между логическим рассуждением и изложением решения, которое в ходе этого рассуждения было принято, – как бы становятся маркером перехода к принятию решения, ср.:

«[Владимир и Киевляне] рече: “Се уже Игоря есте убили, ать похоронимъ тѣло его”» (КЛ 1147) [ПСРЛ, т. 2, стб. 353];

«Се брате на мя (на Юрия. – К. К.) еси приходилъ и землю повоевалъ, и старѣшинство еси с мене снялъ. Ныне же, брате... дай ми Переяславъ, ать посажу сына своего у Переяслави» (КЛ 1149) [ПСРЛ, т. 2, стб. 380];

«[Святослав Ольгович] по брата, по Изяслава, посла опять, река: “Поиди ис Киева, ать идеть в Киевъ Дюрги, а язъ ти Чернигова съступлю хрестьяныхъ дѣля душъ”» (КЛ 1154) [ПСРЛ, т. 2, стб. 478].

А. В. Птенцова перечисляет тексты, входящие в древнерусский подкорпус НКРЯ, в которых встречаются *ати* и *оти*: Русская Правда, Вопросание Кириково, Поучение Ильи-Иоанна, Поучение Серапиона, Духовная грамота Климента [Птенцова, с. 34]. Все эти тексты можно условно назвать нормативными или катехизическими. А. В. Птенцова также отмечает употребление *ати* в переводных памятниках – Истории Иудейской войны Иосифа Флавия, Повести об Акире Премудром и Пчеле, – интерпретируя эти контексты употребления скорее как неожиданные.

На мой взгляд, присутствие *ати* в этих контекстах кажется вполне ожидаемым, поскольку все перечисленные переводные памятники в той или иной степени имеют назидательный характер. В них предсказуемо появление большого количества оптативных и императивных речений, которые являются основными контекстами для употребления *ать* и *ати*³⁹. В летописном тексте реплика-рассуждения обычно оказываются обращены к самому себе, как бы заменяя внутренний монолог⁴⁰: «Изяславъ же рече: “Не дай ми того Богъ, я не убица есмь братии своеи, а се ми есть, яко отецъ стрыи вои, а я самъ полѣзу к нему”» (КЛ 1150) [ПСРЛ, т. 2, стб. 397].

Еще одна характерная черта подобных реплик-рассуждений – двучленная структура *се X, а Y*, где *Y* – императив: «[Святослав] Се на мя идеть Изяславъ Мьстислаличъ, а промышля-

³⁶ О семантике *ати* и *оти* см.: [Птенцова].

³⁷ В ПВЛ по Лавр. не встречается ни одного употребления *ати* и *оти*.

³⁸ Единственный пример употребления *ать* не в прямой, а в косвенной речи КЛ: «Половци же испросиша у Святослава Игоря, ать ляжеть с ними полобьску. Святослав же отпусти» [ПСРЛ, т. 2, стб. 621].

³⁹ *Ать* и *ати* всегда употребляются в оптативных и императивных контекстах, обычно от первого лица, или в прямой речи.

⁴⁰ См. о нем подробнее: [Франчук, с. 45–53].

имы о собѣ» (КЛ 1146) [ПСРЛ, т. 2, стб. 334]; «Давыдовича же рекоста: “Се есѣвѣ зачала дѣло зло, а свершивѣ до конца братоубиство”» (КЛ 1146) [ПСРЛ, т. 2, стб. 330]; «Нача Изяславъ молвити: “Се есмы села ихъ пожгли вся и жизнь ихъ всю, и они к намъ не выйдутъ, а поидемъ к Любчю, идеже ихъ есть вся жизнь”» (КЛ 1148) [ПСРЛ, т. 2, стб. 361]; «[Юрий] Се изгналь мя Изяславъ ис Киева, а самъ сѣлъ в Киевѣ. А поѣдите помозите ми» (КЛ 1150) [ПСРЛ, т. 2, стб. 398].

4. Совпадающий текст и несовпадающая прямая речь КЛ и Лавр.

Известно, что Ипатьевская и Лаврентьевская летописи содержат пласты общего текста – идентичные и родственные фрагменты. При этом текст Ипатьевской летописи, и в частности КЛ, гораздо более пространен, чем текст Лаврентьевской летописи⁴¹. С точки зрения специфичности летописной прямой речи КЛ 1140–1150-х гг. интересным оказывается то, что из 197 общих фрагментов текста КЛ и Лавр., выделяемых И. С. Юрьевой, на период с 1118 по 1140 г. приходится 44 общих фрагмента (в 22 годовых статьях), на период с 1160 по 1200 г. – 48 фрагментов (в 40 годовых статьях), а в двадцатилетие между этими периодами – с 1140 по 1159 г. – встречается целых 104 общих фрагмента: 36 в 1140-е гг. и 68 в 1150-е гг.

Из всех 197 общих фрагментов КЛ и Лавр. прямая речь встречается только в 44⁴². При этом 34 из этих 44 совпадающих фрагментов КЛ и Лавр., содержащих реплики прямой речи, относятся именно к 1140–1150-м гг.⁴³ Таким образом, на двадцатилетие 1140–1150-х гг. приходится больше половины (52 %) всех совпадающих фрагментов КЛ и Лавр.⁴⁴, а также 77 % всех совпадающих в КЛ и Лавр. реплик прямой речи. Существенно, однако, что в общих фрагментах практически нет характерных для КЛ длинных диалогов и реплик-рассуждений. Последние, вероятно, можно считать значимой индивидуальной особенностью КЛ.

В таблице (Рис.2) приведено соотношение годовых статей КЛ и Лавр. с точки зрения наличия/отсутствия в них реплик прямой речи:

Серым отмечены летописные статьи, в которых прямая речь отсутствует, вертикальной штриховкой – статьи, в которых прямая речь встречается, пунктирной штриховкой – статьи, в которых совпадающие фрагменты прямой речи КЛ и Лавр. приходятся на разные годы из-за хронологического сдвига, вызванного асинхронным переходом на мартовское и ультрамарттовское летоисчисление. Черным отмечена летописная статья 1179 г., пропущенная в КЛ из-за хронологического сдвига.

Обращение к вопросу о специфике и функциях летописной прямой речи и дальнейшее изучение прямой речи в КЛ и других летописных памятниках требуют некоторых предварительных замечаний. Главные из них сводятся к тому, что индивидуальные особенности прямой речи КЛ, отличающие ее от прямой речи других ранних древнерусских летописей, оказываются в первую очередь связаны не с грамматикой и количественными показателями ее употребления, а с тем, в каких ситуациях прямая речь появляется в летописном тексте, каким набором типов реплик оперирует летописец и к какому из этих типов он прибегает в каждой конкретной ситуации.

⁴¹ См. об этом подробнее: [Вилкул 2003; Вилкул 2005; Вилкул 2019; Гимон 2018; Гимон 2022; Гимон 2023; Лавренченко 2021; Юрьева 2022].

⁴² Десять реплик прямой речи, включенные в КЛ в те фрагменты, которые совпадают с фрагментами Лавр., оказываются в Лавр. опущены.

⁴³ Важно отметить, что значительная часть повторяющейся прямой речи КЛ и Лавр. совпадает не сама по себе, а в составе больших нарративных фрагментов, являющихся законченными рассказами о событии или важными эпизодами длинного и не всегда одинакового в КЛ и Лавр. повествования. Исключение составляют только тексты статей 1175 и 1177 гг., совпадающие в КЛ и Лавр. практически целиком.

⁴⁴ Особенно интересен промежуток 1147–1155 гг., в который одинаковые фрагменты и общая прямая речь содержатся в 8 летописных статьях подряд.

	Лавр.	КЛ	1145			1173		
1118			1146			1174		
1119			1147			1175		
1120			1148			1176		
1121			1149			1177		
1122			1150			1178		
1123			1151			1179		
1124			1152			1180		
1125			1153			1181		
1126			1154			1182		
1127			1155			1183		
1128			1156			1184		
1129			1157			1185		
1130			1158			1186		
1131			1159			1187		
1132			1160			1188		
1133			1161			1189		
1134			1162			1190		
1135			1163			1191		
1136			1164			1192		
1137			1165			1193		
1138			1166			1194		
1139			1167			1195		
1140			1168			1196		
1141			1169			1197		
1142			1170			1198		
1143			1171			1199		
1144			1172			1200		

Рис. 2. Соотношение годовых статей КЛ и Лавр.
с точки зрения наличия/отсутствия в них реплик прямой речи

Две основные тематические группы прямой речи, которые встречаются во всех рассмотренных нами летописях – в ПВЛ, КЛ и Лавр., – светская и церковная прямая речь. Внутри светской прямой речи можно выделить несколько структурных (монолог, диалог) и функциональных (восклицание, внутренняя речь, послание) типов реплик. Соотношение этих типов и их репертуар в разных летописных памятниках может значительно различаться. Церковная прямая речь, напротив, не обнаруживает существенных различий в разных летописях. И в КЛ, и в ПВЛ, и в Лавр. она оказывается противопоставлена как светской прямой речи, так и остальному летописному нарративу за счет маркированных черт книжного языка.

Светская прямая речь КЛ не имеет принципиальных отличий от светской прямой речи ПВЛ и Лавр. с точки зрения частоты употребления в летописном тексте. При этом в светской прямой речи КЛ есть заметные индивидуальные особенности – большее количество диалогических реплик и активное употребление практически не встречающейся в ПВЛ и Лавр. прямой речи «логических последствий». Оба этих типа реплик заслуживают отдельного исследования с точки зрения их грамматических, текстологических, «хронологических» и тематических особенностей.

Уже сейчас можно отметить, что синтаксическая организация прямой речи «логических последствий» не совпадает полностью ни с синтаксической организацией основного повествования и церковной прямой речи, ни с характерным для других типов светской прямой речи синтаксисом, близким к синтаксису бытового языка. О языке прямой речи «логических по-

следствий» можно осторожно говорить как о еще одном «промежуточном» типе возможного языкового устройства текста внутри гибридного летописного регистра.

Кажется важным, что в КЛ светская прямая речь, не отличающаяся структурно и грамматически от светской прямой речи ПВЛ и Лавр., встречается во всех частях летописного свода, но при этом особые и нехарактерные для ПВЛ и Лавр. реплики-рассуждения оказываются сконцентрированы на сравнительно небольшом отрывке текста КЛ – в 1140–1150-х гг. Этот хронологический период, на протяжении которого в КЛ отмечается общий резкий рост прямой речи и большой процент текстологических совпадений с параллельным текстом Лавр., требует дополнительного изучения и анализа, в котором прямая речь и ее особенности могут оказаться важным материалом.

Источники

ПСРА. М., 1997. Т. 1. 496 с.; СПб., 1908. Т. 2. 638 с.

Литература

- Аристов В. Ю. Проблемы происхождения сообщений Киевской летописи // *Ruthenica*. 2011. № 10. С. 117–136.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М., 1976. 383 с.
- Арутюнова Н. Д. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи // *Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис*. М., 1992. С. 40–52.
- Бенвенист Э. Отношения времени во французском глаголе // Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М., 1974. С. 270–285.
- Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. 376 с.
- Вежбицкая А. Речевые акты // *Новое в зарубежной лингвистике*. М., 1985. Вып. 16. С. 251–275.
- Вилкул Т. А. Политика консенсуса в киевском летописании XII в. // *Российская государственность: История и современность*. СПб., 2003. С. 56–62.
- Вилкул Т. А. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки) // *Palaeoslavica*. 2005. Vol. 13. No. 1. P. 21–80.
- Вилкул Т. А. О хронографических источниках Киевского летописного свода // *ТОДРА*. СПб., 2010. Т. 61. С. 382–397.
- Вилкул Т. А. Летопись и хронограф: Текстология домонгольского киевского летописания. М., 2019. 464 с.
- Власова Е. А. Способы передачи чужой речи в русских летописях XII–XVI вв. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 361 с.
- Гимон Т. В. К вопросу о княжеских посланиях в Киевском своде (XII в.) // *Восточная Европа в древности и средневековье. XXX юбилейные чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто: материалы конференции*. М., 2018. С. 64–71.
- Гимон Т. В. Летописание Переяславля-Южного в 1110-х – первой половине 1140-х гг. // *Graphosphera: Письмо и письменные практики*. 2022. Т. 2. № 2. С. 146–164. DOI 10.32608/2782-5272-2022-2-2-146-164
- Гимон Т. В. Владимиро-суздальские известия второй половины XII века в составе Киевского свода // *Вестник Пермского университета. История*. 2023. № 1 (60). С. 89–101. DOI 10.17072/2219-3111-2023-1-89-10
- Гимон Т. В., Тишин В. В. Тюркская формула приветствия в древнерусской летописи (посольство половцев к Святославу Ольговичу в 1147 г.) // *Древнейшие государства Восточной Европы, 2019–2020 годы: Дипломатические практики античности и средневековья*. М., 2020. С. 267–296.
- Гиппиус А. А. Наблюдения над этикетными формулами берестяных грамот // *Стереотипы в языке, коммуникации и культуре*. М., 2009. С. 279–298.
- Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1997. 361 с.
- Дашкевич Я. Р. Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси // *История СССР*. 1991. № 4. С. 100–111.
- Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // *ТОДРА*. Л., 1966. Т. 6. С. 67–97.

- Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004. 657 с.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. 872 с.
- Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008. 282 с.
- Истрина Э. С. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи // Известия Отделения русского языка и словесности. 1923. Т. 24. Кн. 2. С. 1–172.
- Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М., 2017. 816 с.
- Конявская Е. Л. Проблема авторского самосознания в летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 65–75.
- Кудрявский Д. Н. К статистике глагольных форм в Лаврентьевской летописи // Известия Отделения русского языка и словесности. 1909. Т. 14. Кн. 2. С. 48–54.
- Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959. 274 с.
- Лавренченко М. Л. Устная речь и публичная коммуникация: К вопросу о княжеских речах Киевской летописи // Восточная Европа в древности и средневековье. XXVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, 20–22 апреля 2015 г.: материалы конференции. М., 2016. С. 165–169.
- Лавренченко М. Л. Обращения и договорные формулы в диалогах Рюриковичей (по материалам Киевской летописи) // Polska, Ruś i Węgry: X–XIV wiek. Kraków, 2018. S. 155–177.
- Лавренченко М. Л. «Речи» Киевской летописи XII века (источниковедческое исследование). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. 201 с.
- Лавренченко М. Л. О работе автора Киевской летописи // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 5. DOI 10.18254/S207987840021287-4. URL: <https://history.jes.su/s207987840021287-4-1/> (дата обращения: 20.09.2024).
- Лихачев Д. С. Русский посольский обычай в XI–XIII вв. // ИЗ. 1946. Т. 18. С. 42–55.
- Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. 499 с.
- Лихачев Д. С. Русский посольский обычай в XI–XIV вв. // Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 140–153.
- Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. 556 с.
- Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 22–140.
- Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М., 1996. 480 с.
- Падучева Е. В. Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность // Труды Международной конференции «Диалог 2008». М., 2008. С. 412–418.
- Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. М., 2018. 440 с.
- Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. 472 с.
- Петрухин П. В. Лингвистическая гетерогенность и употребление прошедших времен в древнерусском летописании. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 193 с.
- Петрухин П. В. Дискурсивные функции древнерусского плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // Исследования по теории грамматики. М., 2008. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. С. 213–240.
- Подлеская В. И. Конструкции с цитацией, или «чужой речью» // Рассказы о сноведениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М., 2009. С. 288–308.
- Приселков М. Д. История русского летописания XI–XVI вв. СПб., 1996. 325 с.
- Птенцова А. В. Отъ идти до конечьяго свода: семантика служебных слов ати (ать) и оти (отъ) в оригинальных древнерусских памятниках (на материале Национального корпуса русского языка) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. № 2. С. 30–43. DOI 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-2
- Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. 520 с.
- Скачедубова М. В. Функционирование -л-формы в древнерусском нарративе (на материале ранних летописей). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 267 с. + Прил. 103 с.
- Толочко А. П. О времени создания Киевского свода 1200 г. // Ruthenica. 2005. Вып. 5. С. 73–87.

- Успенский Б. А. Поэтика композиции. М., 1970. 258 с.
- Франчук В. Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986. 183 с.
- Хабургаев Г. А. Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (к реконструкции праславянской системы претеритов) // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. М., 1991. С. 42–54.
- Шахматов А. А. Обзор летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. 372 с.
- Шевелева М. Н. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке) // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 144–174.
- Шевелева М. Н. Еще раз о перфекте и аористе в ранних восточнославянских текстах // Русский язык в научном освещении. 2020. № 2 (40). С. 151–184.
- Юрасовский А. В. Грамоты XI – середины XIV века в составе русских летописей // История СССР. 1982. № 4. С. 141–150.
- Юрасовский А. В. К вопросу о степени аутентичности венгерских грамот XII в. Ипатьевской летописи // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1981 год. 1983. С. 189–194.
- Юрьева И. С. Семантика глаголов *имѣти*, *хотѣти*, *начати* (*почати*) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV веков. АКД. М., 2009. 24 с.
- Юрьева И. С. Грамматика нарратива в ранних древнерусских летописях // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики / XVI Международный съезд славистов. М., 2018. С. 137–156.
- Юрьева И. С. Общий текст Киевской и Суздальской летописей. М., 2022. 208 с.
- Franklin S. Literacy and Documentation in Early Medieval Russia // *Speculum*. 1985. Vol. 60. No. 1. P. 1–38.
- Guimon T. V. Historical Writing of Early Rus // *Comparative Perspective*. Leiden; Boston, 2021. P. 1000–1400.

References

- Aristov, V. Yu. Problemy proiskhozhdeniya soobshchenii Kievskoi letopisi. In *Ruthenica*. 2011. No. 10. Pp. 117–136. (In Russ.)
- Arutyunova, N. D. Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy. Moscow, 1976. 383 p. (In Russ.)
- Arutyunova, N. D. Rechepovedencheskie akty v zerkale chuzhoi rechi. In *Chelovecheskii faktor v yazyke. Kommunikatsiya. Modal'nost'. Deiksis*. Moscow, 1992. Pp. 40–52. (In Russ.)
- Benvenist, E. Otnosheniya vremeni vo frantsuzskom glagole. In *Benvenist, E. Obshchaya lingvistika*. Moscow, 1974. Pp. 270–285. (In Russ.)
- Berezhkov, N. G. Khronologiya russkogo letopisaniya. Moscow, 1963. 376 p. (In Russ.)
- Dashkevich, Ya. R. Spornye voprosy diplomaticheskoi praktiki Drevnei Rusi. In *Istoriya USSR*. 1991. No. 4. Pp. 100–111. (In Russ.)
- Eremin, I. P. Kievskaya letopis' kak pamyatnik literatury. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, 1966. Vol. 6. Pp. 67–97. (In Russ.)
- Franchuk, V. Yu. Kievskaya letopis'. Sostav i istochniki v lingvisticheskom osveshchenii. Kiev, 1986. 183 p. (In Russ.)
- Franklin, S. Literacy and Documentation in Early Medieval Russia. In *Speculum*. 1985. Vol. 60. No. 1. Pp. 1–38.
- Gippius, A. A. Nablyudeniya nad etiketnymi formulami berestyanykh gramot. In *Stereotipy v yazyke, kommunikatsii i kul'ture*. Moscow, 2009. Pp. 279–298. (In Russ.)
- Guimon, T. V. K voprosu o knyazheskikh poslaniyakh v Kievskom svode (XII v.). In *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XXX yubileinye chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V. T. Pashuto: materialy konferentsii*. Moscow, 2018. Pp. 64–71. (In Russ.)
- Guimon, T. V. Historical Writing of Early Rus. In *Comparative Perspective*. Leiden; Boston, 2021. Pp. 1000–1400.
- Guimon, T. V. Letopisanie Pereyaslavlya-Yuzhnogo v 1110-kh – pervoi polovine 1140-kh gg. In *Graphosphaera: Pis'mo i pis'mennye praktiki*. 2022. Vol. 2. No. 2. Pp. 146–164. DOI 10.32608/2782-5272-2022-2-2-146-164 (In Russ.)
- Guimon, T. V. Vladimiro-suzdal'skie izvestiya vtoroi poloviny XII veka v sostave Kievskogo svoda. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 2023. No. 1 (60). Pp. 89–101. DOI 10.17072/2219-3111-2023-1-89-10 (In Russ.)

- Guimon, T. V., Tishin, V. V. Tyurkskaya formula privetstviya v drevnerusskoi letopisi (posol'stvo polovtsev k Svyatoslavu Ol'govichu v 1147 g.). In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 2019–2020 gody: Diplomaticheskie praktiki antichnosti i srednevekov'ya*. Moscow, 2020. Pp. 267–296. (In Russ.)
- Gorshkova, K. V., Khaburgaev, G. A. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Moscow, 1997. 361 p. (In Russ.)
- Istrina, E. S. Sintaksicheskie yavleniya Sinodal'nogo spiska I Novgorodskoi letopisi. In *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti*. 1923. Vol. 24. Iss. 2. Pp. 1–172. (In Russ.)
- Khaburgaev, G. A. Drevnerusskii drevnepol'skii glagol v sravnenii so staroslavianskim (k rekonstruktsii praslavyanskoi sistemy preteritov). In *Issledovaniya po glagolu v slavyanskikh yazykakh. Istoriya slavyanskogo glagola*. Moscow, 1991. Pp. 42–54. (In Russ.)
- Kievskaya letopis'. Prepared by I. S. Yur'eva. Moscow, 2017. 816 p. (In Russ.)
- Konyavskaya, E. L. Problema avtorskogo samosoznaniya v letopisi. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2000. No. 2. Pp. 65–75. (In Russ.)
- Kudryavskii, D. N. K statistike glagol'nykh form v Lavrent'evskoi letopisi. In *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti*. 1909. Vol. 14. Iss. 2. Pp. 48–54. (In Russ.)
- Kuznetsov, P. S. Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka. Moscow, 1959. 274 p. (In Russ.)
- Lavrenchenko, M. L. Ustnaya rech' i publichnaya kommunikatsiya: K voprosu o knyazheskikh rechakh Kievskoi letopisi. In *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XXVIII Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V. T. Pashuto, 20–22 aprelya 2015 g.: materialy konferentsii*. Moscow, 2016. Pp. 165–169. (In Russ.)
- Lavrenchenko, M. L. Obrashcheniya i dogovornye formuly v dialogakh Ryurikovichei (po materialam Kievskoi letopisi). In *Polska, Rus' i Węgry: X–XIV wiek*. Kraków, 2018. S. 155–177. (In Russ.)
- Lavrenchenko, M. L. "Rechi" Kievskoi letopisi XII veka (istochnikovedcheskoe issledovanie). Dissertation for the Degree of Candidate of History. Moscow, 2021. 201 p. (In Russ.)
- Lavrenchenko, M. L. O rabote avtora Kievskoi letopisi. In *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*. 2022. Vol. 13. Iss. 5. DOI 10.18254/S207987840021287-4. URL: <https://history.jes.su/s207987840021287-4-1/> (accessed 20 September 2024). (In Russ.)
- Likhachev, D. S. Russkii posol'skii obychai v XI–XIII vv. In *Istoricheskie zapiski*. 1946. Vol. 18. Pp. 42–55. (In Russ.)
- Likhachev, D. S. Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie. Moscow; Leningrad, 1947. 499 p. (In Russ.)
- Likhachev, D. S. Russkii posol'skii obychai v XI–XIV vv. In *Issledovaniya po drevnerusskoi literature*. Leningrad, 1986. Pp. 140–153. (In Russ.)
- Nasonov, A. N. Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka: Ocherki i issledovaniya. Moscow, 1969. 556 p. (In Russ.)
- Ostin, J. L. Slovo kak deistvie. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Moscow, 1986. Iss. 17: Teoriya rechevykh aktov. Pp. 22–140. (In Russ.)
- Paducheva, E. V. Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa. Moscow, 1996. 480 p. (In Russ.)
- Paducheva, E. V. Rezhim interpretatsii kak kontekst, snimayushchii neodnoznachnost'. In *Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2008"*. Moscow, 2008. Pp. 412–418. (In Russ.)
- Paducheva, E. V. Egotsentricheskie edinit'sy yazyka. Moscow, 2018. 440 p. (In Russ.)
- Pashuto, V. T. Vneshnyaya politika Drevnei Rusi. Moscow, 1968. 472 p. (In Russ.)
- Petrukhin, P. V. Lingvisticheskaya geterogenost' i upotreblenie proshedshikh vremen v drevnerusskom letopisanii. Dissertation for the Degree of Candidate of Philology. Moscow, 2003. 193 p. (In Russ.)
- Petrukhin, P. V. Diskursivnye funktsii drevnerusskogo plyuskvamperfekta (na materiale Kievskoi i Galitsko-Volynskoi letopisei). In *Issledovaniya po teorii grammatiki*. Moscow, 2008. Iss. 4: Grammaticheskie kategorii v diskurse. Pp. 213–240. (In Russ.)
- Podlesskaya, V. I. Konstruktsii s tsitatsiei, ili "chuzhoi rech'yu". In *Rasskazy o snovedeniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa*. Moscow, 2009. Pp. 288–308. (In Russ.)
- Priselkov, M. D. Istoriya russkogo letopisaniya XI–XVI vv. Saint Petersburg, 1996. 325 p. (In Russ.)
- Ptentsova, A. V. Ot' idet' do konech'nyago svoda: semantika sluzhebnykh slov *ati* (*at'*) i *oti* (*ot'*) v original'nykh drevnerusskikh pamyatnikakh (na materiale Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka). In *Vestnik Moskovskogo*

- universiteta. Seriya 9. Filologiya. 2023. No. 2. Pp. 30–43. DOI 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-2 (In Russ.)*
- Rybakov, B. A. *Russkie letopistsy i avtor "Slova o polku Igoreve"*. Moscow, 1972. 520 p. (In Russ.)
- Shakhmatov, A. A. *Obozrenie letopisnykh svodov XIV–XVI vv.* Moscow; Leningrad, 1938. 372 p. (In Russ.)
- Sheveleva, M. N. "Soglasovanie vremen" v yazyke drevnerusskikh letopisei (k voprosu o formirovanii otnositel'nogo upotrebleniya vremen i kosvennoi rechi v russkom yazyke). In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2009. No. 2 (18). Pp. 144–174. (In Russ.)
- Sheveleva, M. N. Eshche raz o perfekto i aoriste v rannikh vostochnoslavianskikh tekstakh. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2020. No. 2 (40). Pp. 151–184. (In Russ.)
- Skachedubova, M. V. *Funktsionirovanie -l-formy v drevnerusskom narrative (na materiale rannikh letopisei)*. Dissertation for the Degree of Candidate of Philology. Moscow, 2019. 267 p. + Appendix 103 p. (In Russ.)
- Tolochko, A. P. O vremeni sozdaniya Kievskogo svoda 1200 g. In *Ruthenica*. 2005. Iss. 5. Pp. 73–87. (In Russ.)
- Uspenskii, B. A. *Poetika kompozitsii*. Moscow, 1970. 258 p. (In Russ.)
- Vezhbitskaya, A. Rechevye akty. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Moscow, 1985. Iss. 16. Pp. 251–275. (In Russ.)
- Vilkul, T. L. Politika konsensusa v kievskom letopisanii XII v. In *Rossiiskaya gosudarstvennost': Istoriya i sovremennost'*. Saint Petersburg, 2003. Pp. 56–62. (In Russ.)
- Vilkul, T. L. O proiskhozhdenii obshchego teksta Ipat'evskoi i Lavrent'evskoi letopisi za XII v. (predvaritel'nye zametki). In *Palaeoslavica*. 2005. Vol. 13. No. 1. Pp. 21–80. (In Russ.)
- Vilkul, T. L. O khronograficheskikh istochnikakh Kievskogo letopisnogo svoda. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg, 2010. Vol. 61. Pp. 382–397. (In Russ.)
- Vilkul, T. L. *Letopis' i khronograf: Tekstologiya domongol'skogo kievskogo letopisaniya*. Moscow, 2019. 464 p. (In Russ.)
- Vlasova, E. A. *Sposoby peredachi chuzhoi rechi v russkikh letopisyakh XII–XVI vv.* Dissertation for the Degree of Candidate of Philology. Moscow, 2014. 361 p. (In Russ.)
- Yurasovskii, A. V. Gramoty XI – serediny XIV veka v sostave russkikh letopisei. In *Istoriya SSSR*. 1982. No. 4. Pp. 141–150. (In Russ.)
- Yurasovskii, A. V. K voprosu o stepeni autentichnosti vengerskikh gramot XII v. Ipat'evskoi letopisi. In *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1981 god.* Moscow, 1983. Pp. 189–194. (In Russ.)
- Yur'eva, I. S. Semantika glagolov imēti, khotēti, nachati (pochati) v sochetaniyakh s infinitivom v yazyke drevnerusskikh pamyatnikov XII–XV vekov. Autoabstract of Dissertation for the Degree of Candidate of Philology. Moscow, 2009. 24 p. (In Russ.)
- Yur'eva, I. S. Grammatika narrativa v rannikh drevnerusskikh letopisyakh. In *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavyanskikh narodov. Istoriya slavistiki / XVI Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov*. Moscow, 2018. Pp. 137–156. (In Russ.)
- Yur'eva, I. S. Obshchii tekst Kievskoi i Suzdal'skoi letopisei. Moscow, 2022. 208 p. (In Russ.)
- Zaliznyak, A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt*. 2nd edition, revised based on the findings of 1995–2003. Moscow, 2004. 872 p. (In Russ.)
- Zaliznyak, A. A. *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow, 2008. 282 p. (In Russ.)
- Zhivov, V. M. *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov*. Moscow, 2004. 657 p. (In Russ.)

Ksenia P. Kostomarova

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

TYPES OF DIRECT SPEECH IN THE KIEVAN CHRONICLE

The paper is devoted to the peculiarities of the use of direct speech in the Kievan Chronicle, which considerably distinguish the Kievan Chronicle from other Old Russian chronicles. The paper suggests a classification of direct speech types, showing that the individual features typical for direct speech in the Kievan Chronicle appear to be related not to grammar and quantitative indicators of its use, but to the situations in which direct speech appears in the chronicle text and the set of replica types the annalist operates with.

Keywords: direct speech, Kievan Chronicle, Laurentian Chronicle, Hypatian Chronicle

